

ОБ ОТДЕЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ РУССКОЙ НЕФОРМАЛЬНОЙ РЕЧИ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ

Л.В. Эглит, Казахский национальный педагогический университет им. Абая (Алматы, Казахстан).

Аннотация. В докладе рассматривается современная русская неформальная речь студентов и школьников, описываются характерные причины её появления, образования и функционирования в микросоциуме.

Ключевые слова: сленг, сленгизмы, эмоционально-экспрессивная функция, языковая игра, омонимия, синонимия, зоонимы, коннотация.

В настоящий период отмечается возросший интерес современных исследователей в разных областях знания к стихии молодёжной речи, к сленгу. Причины подобной актуализации разнообразны, назовём лишь основные: эксплицитно проявляющаяся на современном этапе демократизация доминирующей нормы, жаргонизация речи образованных слоёв общества, интенсивное использование слов и устойчивых сочетаний из сферы субстандарта для пополнения выразительных средств массовой речи.

Психологи и социологи аргументированно утверждают, что члены микросоциума в процессе общения формируют друг друга как общественных субъектов; в ходе коммуникации "осуществляется взаимный обмен деятельностью, представлениями, идеями, установками, интересами" [1, с. 37]. Сленг сплавливает молодых людей и особенно школьников по ряду разнообразных, иногда диаметрально противоположных факторов, при этом, в большинстве случаев, возникает чувство "мы", с которым легче противостоять негативам обыденной жизни.

Эмоциональная насыщенность сленгизмов проявляется в форме иронически-пренебрежительной или шуточной образности, в формах грубоватой экспрессии, хлёстких характеристик. Так, для номинации глупого, необразованного, примитивного человека в студенческом и школьном сленге существует широко представленный и регулярно пополняющийся синонимический ряд, состоящий, в большинстве своём, из семантико-стилистических синонимов типа: *алтух, вафёл, глупист, глупант, доктор, децельня, дозер, лохер, лохмэн, лохмандей, мочок, муфлон, неврубант, нерюх, неутыка, сакер, стопист, стопор, деревянный, беспонтовый, хобот, мустанг, дулло, дупел, дырокол, но(а)каутёнок* и т.п. В состав данного синонимического ряда входят и многочисленные окказиональные фразеологизмы-сленгизмы, например: *два пальца лобик (чёлка); здравствуй, дерево! дурилка плюшевая (деревянная, картонная); африканское (полное) дерево; питомец зоопарка; рахит отстойный, плоскостью ума подобен таракану* и т.п. Сравните также: *соплоиды, щенки, потроха* – 'ученики младших классов'; *казёнка, скала, учага, гуж, гужатник, фазанка, Кембридж* (колледж) – 'образовательные учреждения', *географозина* – 'нелюбимый учитель географии'; *орыска* – учитель (преподаватель) русского языка, как правило, ведущий занятия в национальной аудитории; *говнильч, калыч* – 'негодяй'; *джипяра* – '«крутой» джип', *модерун* – 'модератор'.

Исследователи сленга небезосновательно считают, что ироничность (*ирония* в переводе с греческого – 'притворство') заложена в самой природе сленга, предполагающего

притворство, а также отстранённый, новый взгляд, переосмысление расхожих слов и штампов. Кроме того, ироничность преследует как эстетическую цель оживить избитые языковые средства, так и психологическую. Предполагается, что стёб – это своеобразный механизм защиты от неприятных жизненных ситуаций. Он снимает страх, трагичность переживания, экзотичностью своего звучания как бы отвлекает от стоящего за этим символом понятия [2, с. 123].

Отметим, что иронико-скептический тип эмоциональности в сленге – это не только дань моде, но и образ видения современных реалий, осознание молодёжью ироничности самого бытия. Сленг открывает большие возможности для проявления индивидуальных способностей молодого человека, сленгологи полагают, что он выступает в роли виртуозной языковой игры для тех, кому тесно в рамках нормативного литературного языка. Отсюда в сленге довольно заметное место занимают коннотативно маркированные окказиональные образования, созданные на определённый случай, с определённой установкой, например, в студенческой среде пользуются популярностью такие сленгизмы, как *абанамат*, *обалдайс*, *обалдахин*, *обалдемон* или *зачипись*, *Адидас!* – ‘нечто совершенное, замечательное’; *абзац*, *алес*, *попадос*, *трындец* – ‘нечто ужасное, безысходное’.

Регулярное появление новых слов и фразеологических оборотов в неформальной молодёжной речи можно объяснить психологическими особенностями сленгоносителей, стремящихся к преобразованию и обновлению окружающего, несовершенного, на их взгляд, мира. Причиной тому может быть и столь характерная для юношеского возраста быстрая смена увлечений, изменение приоритетов, пересмотр ценностей, а также желание испытать свежие, более острые ощущения в коллективной игре.

Основная масса сленгизмов возникает в результате переосмысления общеупотребительных литературных слов, вступая, таким образом, в омонимические отношения с узуальными словами: *продюсер* – ‘умный, способный человек’; *шахматист* – ‘умный, но зазнающийся человек’; *шорты* – ‘маленькая перемена в школе’, *хомяк* – ‘домашнее задание’; *катать вату* – ‘бездельничать’ и т. д.

Омонимические отношения связывают слова и внутри сленга. Так, наречие *чисто* в сленгирующей среде может использоваться в качестве частицы и имеет значения: ‘только, лишь’; ‘действительно, в самом деле’; ‘просто, всего-навсего’. Сравните также: *бессмертник* – ‘старик’; ‘непьющий человек’; *пропираться* – ‘фатально ошибаться’; ‘опаздывать’; ‘терять’. В появлении внутрисистемных омонимов, на наш взгляд, проявляется желание молодёжи преобразовать, изменить на свой лад существующие традиции и порядки как в языковой, так и в экстралингвистической сферах, наполнить их отвечающим духу времени и речевой моде содержанием.

Познавая мир, молодой человек формирует своё видение мира, и это познание сопровождается оценкой, то есть средствами языка оформляются результаты гносеологической и аксиологической деятельности человека.

Яркой иллюстрацией подобного явления в сленге могут служить лексемы, возникшие в результате семантической деривации на базе зоонимов, которые, как и подобные образования в узусе, обладают качественно-характеризующими значениями. Если в кодифицированном языке в результате метафорического переноса отдельные яркие свойства животного переносятся на человека, причём сами эти свойства могут быть объективными или субъективно приписываемыми животному, название которого перешло на человека, то в сленге, за небольшим исключением, например: *страус* – ‘друг’; *бобёр* – ‘богатый человек’, *щегол* –

'младший школьник, 'ёж – 'глупец, жертва обмана'; жук – 'киллер', *хариус* – 'скользящий, нехороший человек' этот процесс характеризуется ярко выраженной субъективностью, немотивированностью. Так, несленгоносителю трудно объяснить, какие качества столь полезной птицы, как дятел способствовали в молодёжной речи развитию таких значений, как 'сплетник', в одном случае, и 'человек с низкими интеллектуальными способностями', в другом. Кстати, кроме слова *дятел* в этом значении используется целый ряд сленгизмов-синонимов, являющихся вторичными номинантами: *лось, олень, овца, баран, мороженный судак* и т.п. Узуальные зоонимы довольно часто выступают базой для образования сленгизмов, которые являются номинациями не только лиц, но и различных неодушевлённых предметов, например: *медведь, крокодил* – 'шпаргалка'; *сохатый* – 'троллейбус'; *ящур* – 'мобильный телефон'.

Семантика сленгизмов-дериватов, возникших на базе зоонимов, может быть как весьма прозрачной, например: *быковатый* – 'быть агрессивным'; *хомячить* – 'есть'; *тигрить* – 'злить', так и замаскированной, трудно объяснимой в связи с отсутствием аналогий в узусе. Примером может служить сленговый глагол *хориться*, который, казалось бы, должен иметь пейоративную окраску, приобретённую от возникшего в результате метафоризации производящего слова хорёк, однако в сленге он имеет положительную окраску, так как означает 'усердно выполнять какую-либо трудную и ответственную работу'. Сравните также: *питонить* – 'наслаждаться'; *отхомячиться* – 'отделаться от чего-либо'; *тараканит* – 'нездоровиться'.

Зоонимы встречаются и в составе фразеологизмов-сленгизмов: *холодный (голодный) как крокодил; шкура дохлой обезьяны; лось египетский, ёжиков пасти*. Так, у узуального наречия *жалко* в сленге существует два синонима-фразеологизма – *в крысу* и *жаба давит*, которые также с трудом поддаются мотивировке, как и некоторые лексемно-сленгизмы.

Как видно из приведённых примеров, способность зоонимов к развитию переносных значений обуславливает их активность в производстве дериватов-сленгизмов различной лексико-грамматической принадлежности, доминируют же среди них глаголы, что характерно и для узуса.

Итак, стремление к выразительности, экспрессии, образности является одной из профильных черт сленга учащейся молодёжи. В нём в первую очередь используются средства эмоционально-экспрессивной оценки реалий, нежели логической.

Необходимо отметить, что часть сигнификативного значения сленгизма, которая является осознанным переживанием эмоциональных оценок, представляет собой эмотивную коннотацию, т.е. сопутствующие семантике слова эмоции, благодаря которым оценка того, о чём, о ком, кому говорят, воспринимается как эмоциональное одобрение/неодобрение. Так, *достоевский, скотч, прилипала, мозгач* – надоедливый или навязчивый человек; нечто хорошее – *шоколад, халва, жир, насос, чума*; хорошо, отлично – *расшибец, офигенно, матёро, сипово, фирмалёк, отбойно, всё пучком* и даже *Тюфяк!*; плохо – *обломно, вломно, вломак, в черняк* и т.п.

Данные примеры ярко иллюстрируют одну из специфических черт молодёжной речи – особую информативность, проявляющуюся в том, что даже моносемантическое слово содержит в себе несколько смыслов, на что в своё время обратил внимание Е. Д. Поливанов, отметив, что «у "хулиганствующих" слов более богатое (т. е. более обильное отдельными представлениями) смысловое содержание, чем у их обыкновенных и пустых (в известном отношении) эквивалентов из нормального языка (и этим более богатым содержанием, разумеется, и объясняется то, что их предпочитают обыкновенным словам»[3].

Таким образом, сленг отражает речевые предпочтения учащейся молодёжи, являясь свидетельством их социально-культурной и лингвистической обусловленности. В сленгизмах, которые в подавляющем большинстве являются коннотативными дублёрами литературных слов, эксплицирована насмешка над этическими, социальными, а также и языковыми условностями и авторитетами, ибо в основе школьного и студенческого сленга лежит особое мировосприятие, выражающееся в неприятии отдельных реалий внешнего мира, дискурса власти и противостояние им с помощью слова-маски, слова-образа, слова-оценки.

Литература:

1. Ломов Б.Ф. Категории общения и деятельности в психологии // Вопросы философии. 1979. № 8. С. 37.
2. Мазурова А.И. Сленг хип-системы // По неписаным законам улицы... М.: Юридическая литература, 1991. С. 123.
3. Поливанов Е.Д. О блатном языке учащихся и о "славянском языке" революции // <http://www.ruthenia.ru/apr/textes/polivan/poliv8.htm>

Jeglit L.V. Ob otidel'nyh osobennostjah russskoj neformal'noj rechi uchashhejsja mo-lodezhi // Nauka. Mysl'. - № 11. - 2015.

© Л.В. Эглит, 2015.
© «Наука. Мысль», 2015.

— • —

Abstract. The paper considers modern Russian informal speech of students and pupils and gives a detailed description of its emergence, formation and functioning in microsocium.

Keywords: slang, slang expressions, emotional-expressive function, pun, homonymy, synonymy, zoonyms, connotation.

— • —

Сведения об авторе

Лариса Викторовна **Эглит**, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, профессор Казахского национального педагогического университета им. Абая (Алматы, Казахстан).

— • —

Подписано в печать 13.12.2015.
© Наука. Мысль, 2015.